

Николай Брусилов

Воспоминания

Николай Брусилов

Воспоминания

«Public Domain»

1893

Брусилов Н. П.

Воспоминания / Н. П. Брусилов — «Public Domain», 1893

ISBN 978-5-457-73215-5

«Воспоминания мои не заключают в себе ничего ни политического, ни исторического; это просто воспоминания былого. Я рассказываю не красно, но верно, так, как я видел и как понимал вещи. Легко может быть, что в записках моих читатель не найдет ничего любопытного. Не ища славы авторской, я и тем буду доволен, если эти записки приведут на память былое, или доставят хотя некоторое развлечете, или хотя даже минуту сладкого сна; а сколько толстых книг из того только и бьются!..»

ISBN 978-5-457-73215-5

© Брусилов Н. П., 1893

© Public Domain, 1893

Содержание

I.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Николай Брусилов

Воспоминания

1

¹ Текст воспроизведен по изданию: Воспоминания Н. П. Брусилова // Исторический вестник, № 4. 1893 Текст – Бояновский В. 1893

I.

Детство. – Прививка оспы. – Учение дома – Поступление в Пажеский корпус. – Товарищи. – Жизнь в корпусе. – Учение и учителя. – Шалости пажей. – Форма.

Воспоминания мои не заключают в себе ничего ни политического, ни исторического; это просто воспоминания былого. Я рассказываю не красно, но верно, так, как я видел и как понимал вещи. Легко может быть, что в записках моих читатель не найдет ничего любопытного. Не ища славы авторской, я и тем буду доволен, если эти записки приведут на память былое, или доставят хотя некоторое развлечение, или хотя даже минуту сладкого сна; а сколько толстых книг из того только и бьются!

Я помню себя с трех лет. Воспитывался я у бабушки, которая, как все бабушки вообще, любила меня без памяти и баловала напропалую. Я был упрям и до крайности застенчив. Много стоило трудов втолкнуть меня в гостиную, если кто-нибудь был там посторонний, а особенно дамы: я боялся их как огня. Эти милые качества и до седины меня не оставили. В то время только вводилось прививание натуральной оспы. В уездах были плохие медики, наш уездный эскулап не умел прививать оспы; меня повезли в Москву. Медик, который должен был делать эту операцию, по большим своим занятиям, не мог приехать в квартиру; меня повезли к нему. Довезти было не трудно, но вынуть из кареты труднее: я поднял ужасный крик; делать было нечего, медик решился привить мне оспу в карете; и таким образом совершилась эта операция среди бела дня на улице белокаменной Москвы: происшествие довольно необыкновенное. Можно бы из этого вывести заключение, что вся жизнь моя будет сцеплением странных приключений, однако ж все обстоит благополучно. Привезя упрямя домой, вздумали одеть меня турком. Я носил чалму, желтые сапоги, деревянный ятаган. Не знаю, не это ли было причиною впоследствии необыкновенного моего влечения к нежному полу. Я во всех влюблялся. Стоило мне только увидеть стройную талию, коротенький башмачок, чтобы потерять сердце недели на две до другой встречи.

По шестому году посадили меня за букварь и часовник. В нынешнем веке смешно такое образование, но такое начало не совсем худо. Оно с юных ногтей знакомит с родным языком и научает страху Божью. Тогда еще не учили по-русски на французский манер, не было ни а, ни бе, а были просто аз, буки, веи и проч. Признаюсь, я и теперь не могу равнодушно слышать, как русские дети складывают бе, а – ба; мне кажется понятнее: буки, аз – ба. Славянская азбука есть вместе и молитва, и закон. Что значат для русского все бе, а, ве: совершенно никакого понятия с этим не сопрягается, кроме пустого звона слов, между тем, как читая славянскую азбуку, я обучаюсь многому: аз ведый глагол, добро есть живете земля иже и; како люди мыслете; наш он покой; рцы слово твердо. Вот с первым понятием ребенка, с первым началом, прежде еще складов, говорит ему Господь, что он ведает помыслы людей, знает, как живут они на земле, на коей суть; вместе с тем люди признают, что один Бог успокаивает их, и обязуются хранить данное слово. Гг. филологи, не хвалитесь мудростью вашею!.. Однако ж я удалился от своего предмета; извините, старики болтливы.

Восьми лет повезли меня в Петербург и чрез посредство благотельного родственника В.² приняли меня в Пажеский корпус. Это тогда было довольно важно, ибо весь комплект состоял только из 60 пажей, большею частью детей знатных особ. Для принятия в число их сына секунд-майора, и очень небогатого, надобна была сильная протекция. Она и была у меня, В., о котором я упомянул, был при императрице Елизавете капитаном гвардии и пользовался особенною милостью наследника. По кончине Петра III, В. переведен был в

² Вероятно, Петр Петрович Воейков, секунд-майор Преображенского полка, один из немногих приверженцев Петра III. О нем см. «Восемнадцатый Век», кн. III, стр. 353–354.

армию капитаном и скоро оставил службу с чином секунд-майора. Он жил всегда в Москве и, сколько по прежней известности своей при дворе, столько и по характеру честному, твердому, прямому, настоящему русскому, пользовался общим уважением. С отцом тогдашнего временщика³ он был в дружеской связи, но был столь высок духом, что связь эту употреблял только на услуги ближним; для себя не хотел ничего. Стороной предложено ему было, что он может быть сравнен с сверстниками, которые давно уже были генералы; он отклонил это предложение. «Без заслуг не хочу наград, – отвечал он, – и В. никогда Чупятовым не будет»⁴. Ну, милостивые государи, подумайте-ка, многие ли из нас могут дать такой ответ?

Наконец, я в корпусе. Матушка плакала, оставила меня под присмотром дядьки и поручила попечению дальнего родственника ***, честного, доброго, почтенного ветерана, бывшего казначеем военного ордена. Он, К., Ж. и Д. благодетельствовали мне, но более всех баловал меня В. и Н. О. Д. Они, по излишней доброте своей, первые ласками своими и отличиями от других детей поселили во мне какую-то самонадеянность, которую я причисляю к моим прочим достоинствам, то есть упрямству, капризам и застенчивости. Последняя в течение моей жизни наделала мне много хлопот. И смешно, и жалко, как вспомнишь бывшее, и еще смешнее, что и теперь, на седьмом десятке, я точно тот же застенчивый кадет, каким был восьми лет. Когда я занимал впоследствии довольно важные должности, многие поступки мои приписывали гордости, но это не что иное было, как застенчивость. Я иногда не кланялся, не отвечал, точно по застенчивости.

Без всякого самолюбия могу сказать, что у меня доставало столько ума, чтобы не быть гордым; да и чем гордиться?

В корпусе, который тогда совсем не так был устроен, как ныне учебные заведения, не было общих дортуаров, а пажы размещались по разным; жило вместе по три, по четыре и даже по одному, смотря по величине. У всякого был свой дядька; это еще более умножало беспорядок. В той каморке, в третьем этаже, где жил я, помещались С., Ч., Л. и И. Ф. П.⁵ Лишь только шевадьё де-Вильнёв, бывший нашим гувернером, поместил меня в эту каморку, дядька, чтобы утешить меня на новоселье, купил мне кедровых орехов. Я забыл горе; но лишь только развернул бумагу, какой-то шалун ударил по бумаге, орехи рассыпались по полу, шалуны начали их хватать, топтать ногами; я заревел во все горло; злодеи тотчас положили рев мой на музыку, назвали пьесу «Плач Брусилова» и принялись разыгрывать в две скрипки. Наконец, легкие мои должны были уступить соединенным силам скрипок.

Этот урок не послужил мне в пользу: я все остался таким же капризным и плаксою. Много терпел я насмешек; это меня озлило; я дал волю языку; на беду, некому было унять меня, и это послужило к конечному моему несчастью. Злыми насмешками я всех от себя отталкивал и потому во всю жизнь не имел друга. «Обретенный друга обрете сокровище, – говорит Сирах, – и есть друг общник трапезам и не пребудет в день скорби твоя».

С самого малолетства вселилась в меня страсть к авторству. В корпусе начал я издавать рукописную газету, в которой осмеивал, как умел, своих товарищей. Благоразумный Клостерман, инспектор классов, запретил мне эту шалость. «S'il continue, – сказал он, – il deviendra un autre ***».

Порядок в корпусе был тогда совсем иной. Я сказал уже, что дортуаров не было; постелей и платья казенных также не было. Всякий одевался как хотел, формы никакой не было.

³ П. А. Зубов.

⁴ Чупятов, Василий Анисимович (ум. 1792 г. О нем: Л. И. Майков Очерки из истории русской литературы, Спб., 1889, стр. 356–368), известный мещанин в 1790-х годах, называл себя женихом мароккской принцессы, носил ее портрет, ходил в шитом золотом кафтане, в звездах и лентах всех цветов. Всяк думает, что он Чупятов, В мароккских лентах и звездах. (Державину 1-е ак. изд., т. I, 627).

⁵ Иван Федорович Паскевич, впоследствии светлейший князь Варшавский, гр. Эриванский (р. 1782 г., ум. 1857 г.). Поступил в корпус 20 февраля 1794 г., выпущен 5 октября 1800 г.

Чай у всякого был свой, только стол для пажей был общий. Камер-пажи к столу не ходили; им носили кушанье в комнаты. На стол отпускалось на каждого пажа по рублю в день; правда, что всегда было шесть блюд, но я думаю, что m-г Masiose находил тут порядочный счетец. К столу нас призывали по колокольчику; мы не в порядке шли, а бежали, как шалуны; кто первый прибежал, тот садился, где хотел. Шум, крик и шалости всякого рода, я думаю, и на улице давали знать, что мы обедали; но когда приходили к столу гувернеры, тогда стол продолжался смирно. В половине восьмого часа утра звонок сзывал нас в классы. Их было четыре: в первом учили русской грамоте и начальным правилам арифметики; во втором – греческому, латинскому, немецкому и французскому языкам, грамматике, древней и новой истории, географии и арифметике и алгебре; в третьем продолжались те же предметы и, сверх того, преподавали геометрию, минералогию, учили фехтованию; в четвертом классе – высшие науки и фортификацию. Танцевальный и рисовальный классы были общие. Верховой езде обучали в придворном манеже.

Мир вам, почившие наставники! Дело прошлое, но, *sauf l'honneur*, справедливость требует сказать, что учили очень небрежно. Учили по-гречески и по латыни, но едва ли кто из нас умел читать по латыни и едва ли кто знал греческую азбуку от альфы до омеги. Немецкий и французский языки также были в небрежении, и если кто из нас знал что-нибудь, то только те, которые брали частных учителей. Инспектор классов, почтенный Клостерман⁶, был человек очень образованный даже ученый; но по старости лет мало занимался нашими успехами; а гувернер шевалье де-Вильнёв, лишившийся руки при штурме Очакова, был храбрый офицер, исполненный чести во всей силе слова, но редко принимал на себя труд заглядывать в классы. Мы славились шалостями; были даже такие пажи, которые вовсе не ходили в классы; другие брали особых учителей, не полагаясь много на познания своих. М-г Lelieure мастер был чинить перья, и весь класс проходил в том, что он очинивал целые пучки. Учитель греческого языка не подвинул меня дальше дельты. М-г Pingo, танцевальный учитель, толстый итальянец, учил нас, сидя в креслах и, имея страсть к хиромантии, больше занимался нашими руками, нежели ногами. Он предсказывал нам будущее, смешил нас и сам смеялся, а прочие делали свои *salto mortale* по столам и скамьям. Это назывался танцевальный класс. Предсказания m-г Pingo бывали, однако ж, иногда удачны. Однажды, посмотрев на ладонь И. Ф. П., он сказал: «Ты будешь великий генерал!». Самый скучный класс был минералогический; но, по счастью, учитель наш получил страсть к французскому языку. Нас было двое в третьем классе, которые лучше других умели говорить по-французски: И. Ф. П. и я. Мы тотчас приняли меры: когда приходил учитель давать уроки минералогии, один из нас приносил французские разговоры; тогда учитель садился на лавку, а ученики учились в чехарду-езду; таким образом неблагополучно проходили наши два минералогические часа. Учителя рисования пажи не любили. Это был старик в рыжем парике, очень строгий и взыскательный. Класс его бывал по средам после обеда; тогда все скамьи сдвигались к окнам, чтобы светлее было рисовать; а столик учителя с разложенными рисунками оставался среди комнаты. Что же сделали шалуны: к столику учителя привязали две веревочки и протянули в разные концы комнаты. Лишь только учитель уселся и разложил свои рисунки, вдруг дернули за одну веревочку: стол полетел в сторону. Эта шалость кончилась тем, что бедного старика вытолкали, а парик его и рисунки изорвали в клочки. Состав пажей был довольно странен. Тех, которые были познатнее, производили в камер-пажи; и это был важный шаг, ибо из камер-пажей выпускали в гвардию поручиками, что тогда равнялось майорскому чину. Производство в камер-пажи имело характер рыцарский. Паж преклонял колена, государыня дотрагивалась рукою до его щеки, вручала ему шпагу. Пажи, которые пробыли в корпусе более 9 лет, выпускались в армию капитанами, наравне с сержантами гвардии;

⁶ Иван Германович Клостерман (родился 1730 года, умер 1810 года).

а те, которые служили менее десяти и более шести лет, выпускались в армию поручиками. Пажам производилось жалованья 37 рублей 50 копеек в треть, да на мундир ежегодно по сто рублей. У кого был хороший дядька, то деньги прибирал к себе; а шалуны тратили их на пряники, сбитень и прочие лакомства. Я помню забавный анекдот. Один паж, получив третнее жалованье, все тотчас проматывал на яблоки, сбитень, пряники и проч. Дядька журил его, но, не видя толку, решился пожаловаться его дяде. Строгий дядюшка не умел лучше распорядиться, как велел шалуну по истечении трети представлять ему отчет, куда девал он 37 рублей 50 копеек. Приходит треть, наступает время отчета. Ну, что написать в графах расходной книжки? Он выдумал расход законный. Дядьку звали Фокой. Шалун пишет в расход: 1-го числа Фоке на баню 10 копеек, 2-го числа Фоке на баню 10 копеек, и таким образом Фока все четыре месяца ежедневно ходил в баню. Кажется, что и шалун-контролер имел свою баню. Обыкновенный мундир у пажей был светло-зеленого сукна, подбитый красным стамедом. От воротника до подола, по обеим сторонам, и сзади, на фалдах, были золотые петлицы с дутыми желтыми пуговицами; камзол красный с золотыми петлицами; нижнее платье красное с золотыми шлифами, башмаки с красными каблуками, шляпа треугольная, голова в пудре, с буклями, и кошелек. У камер-пажей был такой же мундир, но камзол шитый золотом, по манеру майорского галуна, и шпага. Парадный мундир был богатый: светло-зеленого бархата, шитый по всем швам золотом, камзол красный бархатный, шитый золотом, нижнее платье зеленое бархатное, шляпа шитая золотом. Мундир богатый, и в тогдaшнее время, когда рубль серебра был в рубль меди, мундир стоил до 700 рублей. Мундир этот был казенный и хранился в придворной кладовой. В торжественные дни выдавали его пажам, а потом опять относили в кладовую. Так как мундиры эти шиты были уже давно, то весьма не многие приходились в пору, и очень часто на маленького пажа надевали мундир, шитый на большой рост; мундир едва не волочился по полу, рукава надобно было засучить, застегнуть мундира не было возможности: он сидел кулем. Не смотря на богатство наряда, мы были в нем не очень ловки. Сами мы это чувствовали, и как счастлив из нас был тот, кому хотя несколько мундир приходился в пору! Совсем тем богатый наряд немало внушал уважения. Я помню, однажды, в какой-то праздник мы, дежурные, нарядились в свои золотые кафтаны и пред отправлением во дворец явились к гувернеру. У него тогда был какой-то маркиз *chevalier de S. Louis*. Де-Вильнёв хотел везти его во дворец к выходу; но, сделавшись нездоров, поручил нам довести маркиза. Увидя придворную карету, в которой нас возили, *m-r le marquis* начал отвешивать нам пренизкие поклоны. Мы на этот раз сохранили важность и даже не улыбнулись. Насилу усадили маркиза на переднюю лавочку; но когда подъехали к крыльцу, маркиз, как учтивый кавалер, хотел выйти из кареты первый; но как обернуться спиною к таким золотым господам? Маркиз начал вылезать из кареты задом. Тут мы уж не выдержали, захохотали во все горло и бросились опрометью наверх, оставя *m-r le marquis* у подъезда. Не знаю, попал ли он во дворец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.